

Апология предпринимательского труда

Денис Ковалевич

1. В обществе с сильным влиянием социалистических идей, особенно в таком советском обществе, как современная Россия, нормальная интерпретация предпринимательства звучит так: «тот, кто что-то урвал», презрительное «коммерс» или «торгаш». Последние годы к этому смысловому ряду добавилось ещё одна коннотация – предприниматель как тот, кто умело ловит «хайпы», то есть зарабатывает, используя периоды инвестиционного ажиотажа. Такие интерпретации предпринимательства являются сегодня широко распространёнными, де-факто – частью нормы не только в России, но и во многих странах Европы, а последние годы и в США.

2. Параллельно с такой интерпретацией предпринимательства мы все знаем или, по крайней мере, слышали о таких известных деловых людях, как Ричард Аркрайт, Эндрю Карнеги, Генри Форд, Стив Джобс, и нормой является высказываться о них вполне уважительно и также назвать *предпринимателями*. Современный человек живет в ситуации одновременно противоположного отношения к феномену предпринимательства и часто не может осуществить простые ad hoc различения, видя конкретный феномен, ответить себе на вопрос – это предприниматель или нет. Корни такой неразличительности не лежат на поверхности, и, чтобы их увидеть, требуется археологическая работа.

3. Чтобы начать этот разговор, необходимо вспомнить о том, что сама возможность осуществления труда – то есть рабочее место как таковое – появляется впервые вследствие разделения труда. Как только нас собралось двое и больше, нам надо решить, кто и на чем будет специализироваться. Разделение труда – это условие выживания человеческих общностей. Адам Смит назвал два типа разделения труда – естественное и технологическое. У каждого из этих типов разделения своя история и свои базовые причины.

4. Первый тип разделения труда (естественный) ассоциируется, в первую очередь, с данными человеку природными условиями, которые он может использовать с той или иной пользой для себя и своих близких. Однако эту трактовку, безусловно, необходимо распространить и на всё, что обычно называется «второй природой», то есть на те условия и среду, которые когда-то были искусственно созданы, но для сегодняшнего действующего являются «вполне естественными». Город, в котором развита та или иная профессиональная гильдия, является естественной средой, внутри которой родившийся или пришедший в него человек «автоматом» может занять какое-то рабочее место и начать осуществлять соответствующий этому месту труд. «Автоматом», поскольку место для труда создаётся не им самим.

5. Термин «автоматический» здесь имеет и второй смысл, заключающийся в том, что начало такого типа действия – ментально. Оно не требует специального «времени начинания». Возможность осуществлять труд возникает перед человеком в виде его рабочего пространства или места. Даже когда человеку требуется время на обучение ремеслу или профессии – время на то, чтобы решить, **ЧТО** он будет делать, ему не нужно. Это время уже свернуто в готовом и стоящем у него перед глазами образе рабочего места, названия должности или типа бизнеса.

6. Адам Смит утверждал, что богатство нации определяется только и исключительно другим типом разделения труда – технологическим, и приводил пример с булавкой. Когда о нем читаешь, то складывается ощущение, что смысл примера состоит в первую очередь в изменении *способа* производства булавки: вместо того, чтобы делать булавку в одиночку, ее начинают производить 18 человек, выстроенные в последовательность операций. То есть кажется, что началось все с изменения *метода* работы. Это неверная интерпретация.

7. Разделение производства булавки на 18 операций, описанное в энциклопедии Дидро и д'Аламбера, это уже результат, конечное состояние, завершённый процесс, а не то, с чего он начался. Такой самый сложный операционный процесс, без сомнения, не появился в один момент. Как специально отмечает Петр Щедровицкий в своих лекциях о разделении труда, дело не в том, что ремесленники все вместе начали производить 48 тысяч булавок в день вместо 360-ти. Дело в том, что один из них начал производить 48 тысяч копий одной булавки. Стандартная булавка – это кардинально иной продукт, нежели индивидуальная, эксклюзивная булавка, каждая из которых отличается от другой. Это значит, что кто-то решился сделать новый продукт – типовую булавку в массовом масштабе. Кто-то по-другому ответил не на вопрос «КАК делать», а на вопрос «ЧТО делать». А дальше, чтобы сделать это новое «ЧТО», придумал новое «КАК».

8. Технологические новшества внутри «естественного» типа разделения труда происходили на протяжении всей истории. Те, кто находил новые технические решения, могли богатеть и преуспевать. Но не об этом говорит Адам Смит. Без фигуры того, кто как бы вдруг, как бы ни с того ни с сего начинает делать новое «ЧТО» (то есть без труда предпринимателя), невозможно понять смысл тезиса Адама Смита о том, что развитие является эпифеноменом процессов углубления технологического, а не естественного разделения труда, и что именно технологическое разделение труда – единственный источник долгосрочного богатства.

9. Многим может показаться, что эта мысль очевидна. Но почему же тогда в жизни нормального человека эта очевидность исчезает? Почему обычный человек привык апеллировать к государству как к тому, кто создаёт благосостояние и рабочие места, забывая в этот момент о том, что эти государственные рабочие места создаются на деньги, которые в виде налогов государству или в виде зарплат так называемым «конечным потребителям» платят предприниматели? Почему социальные философы могут себе позволить говорить об эксплуатации предпринимателем своих сотрудников, когда, как сказал Шумпетер, если уж кто кого эксплуатирует – так это рабочие, капиталисты и рантье эксплуатируют труд предпринимателей?

10. Любая очевидность имеет онтологическую природу и легко теряется при ослаблении институтов воспроизводства «несущей онтологии». Как только несколько узлов в картине мира расшатываются, казалось бы, объективные вещи получают статус субъективных, то есть вне-онтологических, а исходная картина мира переворачивается на 180 градусов. Именно это произошло с четырьмя онтологическими принципами, благодаря которым предпринимательство стало самостоятельным типом деятельности и двигателем развития около 500 лет назад. Первый принцип: неэкономный труд трудом не является. Второй принцип: воспроизводство деятельности обеспечивают юридические лица, а не люди. Третий принцип: разноранговость труда предпринимателя и труда наёмного работника объективна. Четвёртый принцип: предприниматель обречён на непостигаемость другим его труда, а, следовательно, его труд имеет шанс на существование в структуре сознания другого исключительно в виде презумпции.

11. Первый принцип – принцип экономии труда и его базовый эффект в виде повышения производительности – вместе обеспечивают саму возможность воспроизводства человеческой деятельности. Сделать одну вещь, не ограничивая себя во времени и в ресурсах, можно всегда. Но откуда может взяться ресурс, например, капитал, для обновления парка оборудования, создания нового производства или научной лаборатории? Только из ранее заработанных предпринимателями доходов. А откуда вдруг может взяться доход, то есть разница между издержками и тем, что платит пользователь? Из практики мы знаем, что себестоимость первого образца любого нового продукта всегда существенно выше, чем то, сколько за него кто-либо готов заплатить.

12. Разовое действие никогда не создаёт ресурса для своего повторения. Труд состоит не только и не столько в том, чтобы совершить акт конкретного действия, а в том, чтобы повторять и повторять действия, уменьшая объём ресурсов, которые в них затрачиваются. Труд состоит в терпеливом движении по линии снижения недопустимо высокой цены первого и уникального продукта. Время, необходимое для этого пути, на предпринимательском языке называется инвестициями. Инвестиции – это вклад в покрытие временной и капитальной дельты. Инвестиции длятся до момента, пока предприниматель не доведёт деятельность до такой экономности, при которой она (деятельность) начнет формировать ресурс для собственного воспроизводства.

13. Любое средство, которое мы используем в своей жизни, в том числе для осуществления труда, требует времени не только на его создание, но и на его поддержание в состоянии быть средством. В этом состоит воспроизводимость средств. Неважно, говорим мы о материальных средствах или о мыслительных. Чем более обременительное с точки зрения воспроизводства своего использования средство мы создаём, тем меньше у того, кто его использует, остаётся времени на осуществление с ним труда. Предельный пример – Робинзон Крузо, тративший поначалу на поддержание своих созданных им самим средств в рабочем состоянии столько времени, что у него не оставалось времени ими трудиться.

14. Сделать что-то не просто быстрее, чем раньше, но и так, чтобы пользование продуктом твоего труда не пожирало время пользователя, – это экономность. Экономя время пользователя, мы воспроизводим его время. Любое достижение на пути экономии в одном труде мультиплицируется, умножается в пределе на бесконечность высвобождаемого времени труда других. Напротив, если продукт моей работы пожирает дополнительное время его пользователя, то я ворую помноженное на бесконечность время. Нельзя считать усилия по созданию таких пылесосов чужого времени трудом. Наоборот, тот, кто своим трудом экономит время пользователей своих продуктов, тот формирует «банк времени» – время, освобождённое для нового труда.

15. Важным моментом здесь является и то, что отказ от совершения какого-либо действия также может являться трудом. Вовлекаясь в коллективные действия по инерции, мы не просто теряем своё время, мы зачерпываем из банка «общего» времени. Напротив, удержание себя от вваливания в какую-то, часто очень милую нашей душе работу и усилия по деланию своего, а не чужого труда, являются трудом.

16. Еще ещё один поворот в теме экономии связан с тем, как в предпринимательстве звучит тема принципиальности. На протяжении всей своей истории предприниматели работали и работают с теми, с кем не согласны по многим вопросам, с теми, с кем никогда не стали бы близкими по духу людьми, но кто может внести объективный вклад в повышение экономности труда. Категоричность предпринимателя заключается не в том, чтобы не работать с теми, кто ему не по нраву или с тем, с кем не совпадают его моральные устои, а в том, чтобы создать место для труда всем, кто может внести вклад в более экономный способ деятельности. Мера этого принципа в том, что предприниматели это первые, кто теряет, когда реализация принципа экономии труда упирается в границы безопасности предпринимательского действия – в периоды революций, стихийных погромов или массового рейдерства.

17. Резюмируя: наши усилия, наши отдельные действия, какими бы благими мотивами они не оправдывались, ещё не являются трудом. Трудом они становятся, когда получают рамку экономии, – она «зашита» в понятие труда. Сегодня эту рамку часто называют «экология». Эта рамка позволяет нам – людям – рассчитывать на то, что мы не вычерпаем все доступные нам на Земле и в себе ресурсы. Возникновение технологического предпринимательства как самостоятельного вида деятельности тесно связано с этой простой мыслью.

18. Второй принцип состоит в том, что воспроизводимая деятельность возможна только благодаря существованию особого типа лиц – юридических. Деятельность и разделение труда складывается не физлицами, а компаниями. Мы – люди – с нашей личной нелинейной историей, психикой, семьёй, социальными связями не можем сами по себе являться стабильными «элементами», позволяющими разделению труда быть сколь-либо устойчивым, а деятельности – повторяемой. Наше существование и наше мышление сложно представить без таких категорий, как абстракция или вечность. Во множестве ситуаций мы пользуемся обобщениями и отвлеченными понятиями. Много в мире мы дозволяем себе мыслить как принципиально бесконечное. Это не проблема – это объективность нас как людей.

19. Всем этим присущим людям атрибутам предприниматель противопоставляет труд по конкретизации и ограничиванию. Если внимательно отнестись к выражению «учреждение юридического лица», то несложно увидеть, как вместо физического лица предприниматель порождает иной тип ЛИЦА. Он создаёт лицо, имеющее законное право говорить и быть судимым и при этом – несводимое ни к его учредителям, ни к его сотрудникам. Действие предпринимателя по учреждению юридического лица, в его сущностном смысле, означает появление границ нового места, которое в силу своей граничности может ответственно вступать в деловые отношения с другими такими же лицами.

20. Этот банальный момент очень часто ускользает из нормального сознания и коммуникации: кажется, что дела делают люди. «Ударить по рукам», «договориться по понятиям», «предъявить претензии» – все это атрибутируется с физическими, а не с юридическими лицами, не с компаниями. Однако заключить договор и дать конкретную гарантию его исполнения может только то лицо, которое имеет, с одной стороны, конкретные границы, то есть делает **ЧТО-ТО, а не все на свете**, и, с другой стороны, – то лицо, которое наполнено чем-то определенным, а не всем чем попало.

21. Учреждённое и тем самым отчуждённое как от предпринимателя, так и от его работников, юридическое лицо получает шанс принять инвестиции, поскольку инвестиции – это всегда вклад в конкретную деятельность, а не в отдельного человека или группу индивидов. Инвестиции технологически «сшиты» с юридическими лицами в форме необходимости вносить «уставной капитал». Физические лица таким «свойством» не обладают. Целёвость инвестиционного капитала конкретного юридического лица делает неизбежным разделение труда. Наконец, юридическое лицо в силу своей ограниченности впервые может оформить внутри себя *конечную группу новых мест*, в которых становится возможен труд.

22. Не будет преувеличением сказать, что учреждение юридического лица – это материализация философского принципа различия места и его наполнения. Компании и возникающие в них позиции и есть те самые, пустые по принципу, еще не наполненные, но уже *определенные* места.

23. Третий несущий принцип в картине мира, где есть место предпринимательству, состоит в том, что разноранговость труда предпринимателя и труда наемного работника – это объективное следствие механизма порождения любой деятельности. Несмотря на то, что внутри пространства труда действует *линия онтологического перегиба* между трудом гарантированным (наемным) и трудом негарантированным (предпринимательским), это разделение не является ни классовыми, ни социальным, ни профессиональным, а, значит, признание этого разграничения как объективного и предпринимателем, и наёмным сотрудником – это условие вступления в труд для них обоих.

24. Предпринимательство – это труд, за который никто не платит, пока он не завершён, в отличие от любого наёмного труда, где плата начинается с момента начала работы и де-факто не зависит от результатов. Бизнес, который строит предприниматель, может окупиться в каком-то будущем, а может и не окупиться. Достижение нужного для окупаемости вложений уровня доходности не гарантировано предпринимателю ничем. В отличие от его работников, чей доход, а, значит, и положение их семей, социальный статус, уровень потребления и т.д. гарантирован предпринимателем с момента старта строительства бизнеса. Предприниматель выдаёт гарантии дохода, создаёт другим экономическую устойчивость, но сам их не может получить ниоткуда.

25. Предприниматель никогда не знает заранее время, которое реально потребуется для достижения не-гарантированной точки воспроизводства – начала возврата на его временные и капитальные инвестиции. Как писал Уильям Джевонс 140 лет назад: у каждого процесса строительства бизнеса есть лимит времени разынвестирования – это время объективно конечно, но заранее никогда не известно. Средняя длительность успешного строительства нового технологического бизнеса сегодня – 20 лет. Серийные предприниматели пробуют сократить этот срок вдвое. Даже если им это удастся, это не сделает труд предпринимателя гарантированным – его приговор жить без гарантий останется пожизненным.

26. Многие могут выдержать разовое попадание в ситуацию не-гарантированности. Пройти ее на внутреннем героизме, выстоять. Но смогут ли многие принять такой тип существования как базовый, перейти в режим жизни без права на гарантию? Нет, не могут. Во многом поэтому предприниматели по структуре своей самоорганизации – это антигерои. Любой героизм, любая сверхмобилизация снижают их шансы добраться до точки, о существовании которой они знают только то, что она есть и что она конкретна, но никогда не знают, сколько ещё им до неё трудиться.

27. Могут ли внести устойчивость в не-гарантированное существование предпринимателя инженеры или другие наемные работники? Пожалуй, только молчаливым невмешательством. Молчаливым – в смысле сфокусированным, определённым. Концентрацией на том предмете, в отношении которого инженер должен ответить на свой вопрос (КАК сделать) и непозволение себе отвлекаться на вопросы, лежащие за гранью его позиции. Например, непозволение себе тратить время и думать о «будущем компании», «болезнях организации», «качестве корпоративной культуры» и т.д. По-другому говоря, вклад наёмного работника в устойчивость не-гарантированности труда предпринимателя состоит в первую очередь в личном усилии, необходимом для удержания принципа объективной разноранговости труда.

28. Вклад в устойчивость не-гарантированности труда конкретного предпринимательского труда, несомненно, делают другие предприниматели. Любой деловой договор между двумя компаниям, ведущими разную деятельность, создаёт дополнительную гарантию в не-гарантированном предпринимательском мире. Чем больше компаний ведут дела в какой-то конкретной индустрии, тем выше уровень общей взаимной гарантированности. Многие новые индустрии, появляясь на свет благодаря работе предпринимателей, так и не достигают критического уровня «плотности гарантий», создающих устойчивость индустрии в целом, и умирают. А некоторые достигают и живут 200-250 лет, то есть такой период, за который их вклад в общее пространство труда становится исторически неопровержимым.

29. Наконец, четвёртый принцип, без которого само существование предпринимательства как труда невозможно, – принцип презумпции по отношению к невидимому как глазом, так и мыслью, труду предпринимателя. Термин *praesumptio* имеет несколько разных по степени «энергичности» значений: «дерзость», «присвоение», «преимущество», «предположение». Все эти смыслы в той или иной мере получили свое отражение и в правовой технологии презюмирования. Её суть в том, что, даже в случае наличия у кого бы то ни было вполне достоверного знания о произошедшем событии, оно не признается фактическим, пока в специально организованной процедуре не доказано обратное.

30. Так, например, с точки зрения логики и знания, вероятность невиновности подозреваемого, в отношении которого уже проведена вся работа следователей по сбору доказательств его вины, чрезвычайно мала, но, несмотря на это, презумпция невиновности действует. Подозреваемый может быть в итоге признан виновным, но от этого презумпция невиновности этого же обвинённого не прекращает действовать в отношении любых других его действий, не связанных с этим конкретным делом. И тем более она не прекращает работать по отношению к любому другому гражданину, даже если действия этого другого в глазах любого нормального человека точь-в-точь повторяют действия первого, и легко напрашивается вывод, что они также преступны. Презумпция невиновности – основа, ядро института судейства. Вынь ее – и суды, как это бывает во многих странах, становятся частью системы обвинения и наказания. Принцип невиновности «по умолчанию» – это пример презумпции.

31. Презумпция – это организующая наше мышление конструкция, противостоящая любому конкретному знанию. В сфере действия презумпции мы должны (здесь модальность уже не «могу», а именно «должен») исходить из того, что мы что-то неизбежно **НЕ знаем**. Технология презумпции – это правовая реализация принципа позиционности знания. Принципа, говорящего нам о том, что каким бы знанием мы не обладали, всегда остаётся шанс, что есть иная позиция, имеющая другое, возможно, противостоящее нашему знанию (в этом смысл процедуры публичного вызова в суд свидетелей по делу).

32. Труд предпринимателя, который завершается ответом на вопрос «ЧТО делать», имеет свою продолжительность. Выше он был назван «временем начинания». Специфика этого времени состоит в том, что оно никогда не видимо для глаз нормального человека. Один предприниматель даже в отношении другого предпринимателя не может знать о вложенном времени. Человек, сам не занимающийся этим конкретным предпринимательским трудом, может увидеть только результат этого труда, его продукт, «конец начинания». Наемный работник видит уже *готовые места* для осуществления труда.

33. Инженер видит задачу, которую ему в той или иной форме ставит предприниматель. Получив задачу, инженер подбирает средства и инструменты, которые могут быть пригодны для ее решения. С момента постановки задачи предприниматель платит инженеру его зарплату и платит ее вне зависимости от того, получит ли он (предприниматель) доход от продажи того «ЧТО», которое он решил произвести на свет. Если этого не произойдет, то разорится предприниматель, но не инженер. Труд предпринимателя обнулится, но труд инженера будет свершён вне зависимости от этого.

34. То же самое и с организатором, менеджером – главной новой профессией XX века. Это такой же инженер, только имеющий дело с «гуманитарными» предметами. Он, так же как и «технический инженер», получает задачу в форме «объекта управления», ведь управлять можно только тем, что существует и, более того, только тем, что движется. Менеджер начинает получать свой доход с момента выхода на работу. Его рабочее место, вкупе с рабочим местом консультанта и тренера, как и рабочее место инженера, – это результат или, по-другому говоря, эффект от работы, которую до их (рабочих мест) возникновения проделывает предприниматель.

35. Очевидность того, что места для осуществления труда инженеров, управленцев и других наёмных работников являются эпифеноменом, то есть следствием труда предпринимателя, наиболее легко теряется. Причины этого лежат не столько в плоскости социальных катаклизмов (отмены частной собственности и т.п.), сколько в том, что труд предпринимателя и время этого труда невидны и непостигаемы умом. Поэтому четвёртый принцип гласит, что время труда предпринимателя может существовать, поместиться в нормальное сознание человека только и исключительно *в форме презумпции*.

36. Сложно представить себе бóльший вклад в предпринимательство сегодня, чем начало процесса онтологического освобождения предпринимателей от необходимости доказывания, оправдания предпринимательского труда. Сделать вклад принятием презумпции – это онтологически исходить из того, что время проинвестировано, и даже в случае конкретного провала и потери капитала из этого вложенного времени предприниматель может смочь извлечь новое знание, а оно – деятельностное знание – пригодится ему, когда предприниматель заново будет отвечать на вопрос: ***какую именно деятельность начать сегодня строить?***

